
*Светлой памяти моего друга
Александра Цветкова (Вадимова) — автора книги
«Жизнь Бердяева» и собирателя музея Н. А. Бердяева*

Глава I

СВЕТ МЛАДЕНЧЕСТВА. 1866—1886 ГОДЫ

Шел десятый год царствования Александра II и пятый от одного из главных событий всей русской истории — отмены крепостного права и начала эпохи Великих реформ. Казалось, наконец-то, с опозданием почти на столетие, но осуществляются заветные чаяния лучших умов и сердец, обретают плоть те идеи, что рождались и закалялись в пламенных домашних спорах. Рабство пало «по манию царя», без кровавых переворотов.

Александр II явил себя достойным учеником своего великого наставника — Василия Андреевича Жуковского, приветствовавшего его появление на свет стихами, ставшими заветом русской поэзии будущему государю:

Да встретит он обильный чеством век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: *человек*.
Жить для веков в величии народном,
Для блага *всех* — *свое* позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать!

Корабль, который так и не решились спустить на воду его дядя, а затем и отец, Царь-Освободитель непомерным усилием воли вывел в открытое море, в трудное и опасное, но единственно спасительное для отечества свободное плавание.

И лишь немногие понимали, что упущенное время чревато новыми катастрофами...

А тогда жизнь стремительно менялась на глазах. Особенно заметно это было в двух столицах. Многолетний застой закончился. В воздухе повеяло весной. Дышать стало

легче. Первым слово «оттепель» произнес Тютчев. С упразднением цензуры оживилась печать, открыто обсуждались самые острые общественные вопросы, что прежде было немислимо.

Споры консерваторов, либералов и радикалов-социалистов велись теперь на страницах журналов. Но, чтобы понять все происходящее в те годы с русскими людьми, сил публицистики не доставало. Для разговора о сущностном были потребны иная глубина и другой язык.

В литературе наступала эпоха великого романа — эпоха Тургенева, Толстого и Достоевского.

Изменился и самый облик городов. Особенно заметно это было в Москве, которая всегда оставалась сердцем российской деловой жизни, столицей купечества. Предприимчивым труженикам реформы открывали новый простор. Строилось немало фабрик, особенно текстильных, день ото дня увеличивалось число магазинов, торговых фирм, контор, бюро, банков, технических и коммерческих учебных заведений. Для огромного количества занятых в них служащих требовались дешевые наемные квартиры и комнаты. В Земляном городе начали строиться первые доходные дома, тогда еще двух- или трехэтажные. До роскошных неоклассических построек эпохи модерна в шесть и семь этажей с квартирами, доступными богатым адвокатам, врачам, банкирам и коммерсантам, оставалось несколько десятилетий...

А по соседству с этим бурным ростом незаметно изо дня в день шла прежняя спокойная старомосковская жизнь в городских усадьбах и маленьких бедных деревянных домиках. В одном из таких в приходе Большого Вознесения на Никитской вместе со старушкой-компаньонкой жила одинокая, уже немолодая барышня Александра Дмитриевна Преображенская. Ей и предстояло стать матерью героя нашей книги и с детства заронить в его душу то главное, что ни в каких бурях житейского плаванья, ни в каком мраке не дает потерять из виду спасительный маяк. Жизнь Александры Дмитриевны, небогатая событиями, была богата внутренним, сердечным опытом, а также опытом книжным, который стоит многих «жизненных». Внучка сельского священника, дочь сенатского чиновника, она рано осиротела. Впрочем, о ее и своих семейных корнях, через которые он унаследовал любовь к поэзии православного быта, что

позже выведет его к вселенским истокам христианства, в зрелые годы воскрешая памятью минувшее, писал сын:

Ей сельский иерей был делом;
Отец же в Кремль ходил, в Сенат.
Мне на Москве был в детстве ведом
Один, другой священник — брат
Ее двоюродный. По женской
Я линии — Преображенский;
И благолепие люблю,
И православную кутью...²

Сироту приютила пожилая и бездетная семья фон Кеппен. Хозяин дома был известным лютеранским богословом, ученым библеистом, питомцем Дерптского университета, специалистом по Ветхому Завету, знатоком древнееврейского языка, членом Библейского общества, поставившего своей целью распространение Священного Писания в России. Одновременно фон Кеппен исполнял должность главноуправляющего имениями князя Воронцова. Опыт православного благочестия Александры Дмитриевны, возвращенный поколениями семьи русского духовенства, встретился здесь с опытом благочестия лютеранского, с трехсотлетней культурой чтения и изучения Книги книг, с духом возвышенного мистического пиетизма. Эта замечательная школа немецкого уклада с его добросовестностью, чистотой, религиозным отношением к жизни, серьезностью научных интересов и трудолюбием сформировала характер матери будущего поэта и отозвалась в его собственной судьбе. Обстановку дома фон Кеппенов, известную ему как часть семейного предания, он так воссоздаст в поэме «Младенчество»:

Но сироту за дочь лелеять
Взялась немецкая чета:
К ним чтицей в дом вступила та,
Отраднo было старым сеять
Изящных чувств и знаний сев
В мечты одной из русских дев.

.....
Читали Библию супруги,
Усевшись чинно, по утрам,
Забыть и крепостные слуги
Не смели в праздник Божий храм.
И на чепец сидящей дамы,
И на чтеца глядел из рамы

Румяный Лютер: одобрял
Их рвенье Доктор, что швырял
Чернильницей в Веельзевула,
Когда отваживался шут
Его ученый путать труд,
Над коим благочестье гнуло
Мужской, с височками, парик
И вялый, добрый женский лик.

С осанкою иноплеменной
Библейский посещали дом
То квакер в шляпе, гость надменный
Учтиво-чопорных хором,
То менонит, насельник Юга,
Часы высокого досуга
Хозяин, дерптский богослов,
Все посвящал науке слов
Еврейских Ветхого Завета,
В перчатке черной (кто б сказал,
Что нет руки в ней?) он стоя
И левою писал с рассвета,
Обрит и степен, в парике
И молчаливом сюртуке³.

Дерптский университет, с его высоким духом немецкой науки, где изучал теологию фон Кеппен, всегда был родным русской культуре. Еще до войны 1812 года там профессорствовал Андрей Сергеевич Кайсаров, один из основоположников русской славистики, ставший в год грозных испытаний начальником походной типографии Кутузова, привлечший к работе в ней друга своей юности, а тогда поручика Московского ополчения, Василия Андреевича Жуковского, и погибший во время Заграничного похода русской армии. Позже сам Жуковский немало времени провел в Дерптском университете, подружился с его профессорами и получил в нем степень доктора философии. Преподавал там на медицинском факультете и замечательный хирург, врач-бессребреник Иван Филиппович Мойер, муж музы Жуковского Маши Протасовой, а среди его учеников был и великий доктор Николай Иванович Пирогов, проявивший себя не только в медицине, но и в богословии.

Немецкий и русский романтизм навсегда вошел в жизнь Александры Дмитриевны. Она полюбила Гёте и Бетховена, с замиранием сердца читала Жуковского, заполняла переписанными от руки стихами целые кипы те-

традей, восторгалась статьями и литературными обзорами Белинского, была даже знакома с сестрой «неистового Виссариона». Но главной книгой для нее всегда оставалась Библия. Вера Александры Дмитриевны была живой и горячей, простой и сердечной. Каждый день она со слезами читала Псалтирь. Вспоминая о матери, сын отмечал ее мистическую одаренность и вместе с тем трезвость и пронизательность ума. Предмет особой гордости этой незаурядной женщины составляло то, что она родилась 19 февраля 1824 года. День, когда ей исполнилось 37 лет, принес долгожданную свободу миллионам русских людей — был провозглашен Манифест об уничтожении крепостного права. К Царю-Освободителю Александра Дмитриевна относилась с глубоким благоговением, гордилась тем, что была его тезкой.

В поэме «Младенчество» портрет матери будет словно бы весь пронизан светом и теплом, как одно из самых прекрасных воспоминаний детства.

...Но в тишине сердечных дум
Те образы ей были сладки,
Где в сретенье лучам Христа
Земная рдеет красота.

.....
А девой русскою по праву
Назваться мать моя могла:
Похожа поступью на паву, —
Кровь с молоком, — она цвела
Так женственно-благоуханно,
Как сердцу русскому желанно.
И косы темные до пят
Ей достигали. Говорят
Пустое все про «долгий волос»:
Разумница была она —
И «Несмеяной» прозвана.
К тому ж имела дивный голос:
«В театре ждали б вас венки» —
Так сетовали знатоки⁴.

Именно такой женщине с ее необычайно одаренной натурой, богатой внутренней жизнью и широтой интересов, впитавшей все лучшее, что было разлито в самом воздухе XIX столетия, и выпало на долю сделаться матерью одного из крупнейших русских поэтов Серебряного, да и всего XX века.

После смерти фон Кеппенов Александра Дмитриевна вместе с их старой служанкой, украинской крестьянкой Татьянушкой, которую очень любила за поэтический склад души, поселилась в маленьком домике у Никитских ворот, близ церкви, где Пушкин венчался с Натальей Николаевной. Всю оставшуюся жизнь она решила провести девой. Но когда Александре Дмитриевне было сорок лет — возраст, казалось бы, ни для какого замужества немислимый, если учесть, что в XIX веке девица, не нашедшая пары и после двадцати, считалась «засидевшейся», — судьба ее полностью переменялась. Год назад умерла ее подруга Генриетта. Вдовец Генриетты, пятидесятилетний Иван Тихонович Ив́анов, стал часто заходить в их с Татьянушкой домик, находя утешение в беседах с доброй и умной Александрой Дмитриевной, открывая ей свои горести и тяготы. Участь пожилого вдовца, оставшегося с двумя сыновьями совсем еще юного возраста, и в самом деле была не из легких. Решение пришло скоро и неожиданно, хотя Александра Дмитриевна внутренне к нему уже готовилась. О том, как все совершилось, в поэме «Младенчество» рассказано так:

Не долго плел отец мой сети:
Двух малолетних сыновей
Раз под вечер приводит к ней
И молвит: «На колени, дети!
За нас просите как-нибудь!»
И дети: «Нам ты мамой будь...»⁵

Против такого сватовства Александра Дмитриевна не могла устоять, да и не хотела. Судьба ее решилась свыше. После венчания супруги купили деревянный домик в Волковом переулке — на самой окраине тогдашней Москвы, в окрестностях Пресни, рядом с Зоологическим садом, в приходе церкви святого великомученика Георгия Победоносца в Грузинах. В этом доме 16 (28) февраля 1866 года и суждено было родиться их младшему сыну — будущему поэту Вячеславу Иванову. Имя младенцу мать выбрала в память чешского благоверного князя Вячеслава, в чем сказало ее органическое славянофильство.

То место, где поселилась семья, имело почти двухсотлетнюю историю. В 1670-е годы здесь расположилось дворцовое село Воскресенское — загородная летняя резиденция царя Федора Алексеевича с обширными плодовыми садами. Полвека спустя эти земли были отданы грузинскому

царю Вахтангу VI, бежавшему в Россию от персов с двумя сыновьями и трехтысячной свитой. С тех пор в Москве место стали называть Грузины или Грузинская слобода.

Со временем знатные выходцы из Грузии смешались с русским дворянством. Многие из них прославили свои имена в истории России. И состав жителей Грузинской слободы в XIX веке уже был таким же пестрым, как и во всем городе. Здесь стояли и богатые особняки, и домики бедняков. Берега Пресненских прудов были излюбленным местом прогулок москвичей. Сюда приезжал Пушкин, чтобы послушать пение цыган, живших в Грузинах. В разное время проживали в этих местах Батюшков, Вяземский и Даль. А за два года до рождения Вячеслава Иванова Русским Императорским Обществом Акклиматизации растений и животных в Грузинской слободе вокруг Пресненских прудов был создан Зоологический сад. Он и стал первым впечатлением детства поэта. Впоследствии Иванов вспоминал, что Зоологический сад казался ему тем первозданным Эдемом, где по Божественному замыслу звери и птицы жили в гармонии с человеком. Это блаженное чувство ранних лет навсегда сохранилось в сердце и оказалось сильнее и вернее многих опытов зрелости. Позже не раз случалось терять дорогу к Эдему, но забывать о нем — никогда. Отзвук этих воспоминаний слышится и в «Младенчестве»:

Зоологического Сада
Чуть не за городом в те дни
Тянулась ветхая ограда.
Домишко старенький они
Купили супротив забора,
За коим выла волчья свора
И в щели допотопный рог
Искал просунуть носорог.
С Георгиевским переулком
Там Волков узенький скрещен;
Я у Георгия крещен.
Как эхо флейт в притворе гулком
Земной тюрьмы, — не умирай,
Мой детский, первобытный рай!⁶

Святой Георгий еще отзовется в той книге, которую сам поэт будет считать главным трудом жизни — в «Повести о Светомире Царевиче»...

Об Эдеме своего детства Вячеслав Иванов вспоминал

и в «Автобиографическом письме»: «Я с любовью отмечаю эти места, потому что с ними связаны первые впечатления моей жизни, сохраненные памятью в каком-то волшебном озарении, — как будто тот слон, которого я завидел из наших окон в саду, ведомого по зеленой траве важными людьми в парчевых халатах, и тот носорог, на которого я подолгу глазел сквозь щели ветхого забора, волки, что выли в ближайшем нашем соседстве, и олени у канавы с черной водой, высокая береза нашего садика, окрестные пустыри и наш бело пушистый дворник,

...седой, как лунь,

Как одуванчик — только дунь, —
остались навсегда в душе видениями утраченного рая»⁷.

Нянюшкой младенца стала старая Татьянушка, неразлучная с Александрой Дмитриевной. Ребенок рос под звуки простых и задумчивых украинских песен.

Когда Вячеславу исполнилось три года, семья, покинув пресненский «Эдем», переехала на Патриаршие пруды, сняв там недорогое жилье. В XIX веке в этих местах располагался городской «Латинский квартал», где селились студенты университета, в котором позже предстояло учиться будущему поэту и профессору античной филологии. «Московский дворик» на Патриарших также навсегда остался в его памяти:

И миру новому сквозь слезы
Я улыбнулся. Двор в траве;
От яблонь тень, тень от березы
Скользит по мягкой мураве.
Решетчатой охвачен клеткой
С цветами садик и с беседкой
Из пестрых стекол. Нам нора —
В зеленой глубине двора⁸.

К тому времени отец был тяжело болен. Прослужив большую часть жизни землемером, он перешел теперь в Контрольную палату. Характером и складом ума Иван Тихонович являл живую противоположность жене. Если та отличалась глубокой религиозностью, мягкосердечием и возвышенно-романтической настроенностью со славянофильским оттенком, то муж был настоящим интеллигентом — «шестидесятником» эпохи реформ, одним из тех, с кого Тургенев писал Базарова, и подобно Базарову — ма-

териалистом и атеистом. Человек замкнутый и упрямый, он жил своей сложной внутренней жизнью, скрытой от посторонних глаз. Настольными книгами Ивана Тихоновича были сочинения немецких «вульгарных материалистов» Бюхнера, Фохта и Молешотта — те самые, которые один из персонажей «Бесов» Достоевского, некий подпоручик, сойдя с ума, поставил в киоты вместо икон и поклонялся им. Это в Оксфорде учение Дарвина воспринималось как одна из гипотез — для русского интеллигента оно стало символом веры. «Все мы произошли от обезьяны, итак поэтому давайте делать добро», — шутил Владимир Соловьев. Он же дал определение трем видам неверия. Первое — грубо материальное, животное, второе — лживое и лукавое и третье — честное, которому надо помочь прозреть. Неверие отца Вячеслава Иванова относилось к третьему виду. Ведь безбожие второй половины XIX века порой бывало своего рода религией, пусть даже многие этого не осознавали. И очень часто неверам и упрямам, враждебно относящимся к официальному православия (на что были причины, когда весть Евангелия подменялась мертвящей казенщиной), вдруг неожиданно открывался Лик Христа.

Портрет отца сын нарисует по смутным воспоминаниям младенческих лет и рассказам матери:

Отец мой был из нелюдимых,
Из одиноких, — и невер.
Стеля по мху болот родимых
Стальные цепи, землемер
(Ту груду звучную, чьи звенья
Досель из сумерек забвенья
Мерцают мне, — чей странный вид
Все память смутную дивит), —
Схватил он семя злой чахотки,
Что в гроб его потом свела.
Мать разрешения ждала, —
И вышла из туманной лодки
На брег земного бытия
Изгнанница — душа моя⁹.

Не от отцовского ли землемерства берут свои истоки «Борозды и межи» Вячеслава Иванова? Поэты Серебряного века были и в переносном, и в прямом смысле детьми интеллигентов — «народников»...

Перейдя на службу в Контрольную палату, Иван Тихо-

нович получил гораздо больше времени, чем прежде, для чтения своих любимых материалистических сочинений. В безбожие он попытался обратить и жену, но натиск вольнодумства оказался бессилён против глубокой веры и здравого ума Александры Дмитриевны.

И все в дому пошло неладно:
Мать говорлива и жива,
Отец угрюм, рассеян, жадно
Впивает мертвые слова —
И сердце женское их ложью
Умыслил совратить к безбожью.
Напрасно! Бредит Чарльз Дарвин;
И где ж причина всех причин,
Коль не Всевышний создал атом?
Апофеоза «протоплазм»
Внушает матери сарказм:
Назвать орангутанга братом —
Вот вздор! Мрачней осенних туч,
Он запирается на ключ¹⁰.

Но вопреки яростному неприятию веры в глубине души угрюмого затворника-атеиста происходила незаметная, скрытая от чужих глаз работа. Иван Тихонович был из тех, кто не любил подгонять трудные задачи под готовый ответ и всегда шел до конца. Борясь с Богом в уме, он обретал Его в сердце. «Знай: чистая душа в своем стремлении смутном сознанием истины полна!» — говорится в «Прологе на небесах» из «Фауста»¹¹. Это относилось и к отцу Вячеслава Иванова, и позже не раз отзовется в его собственной жизни.

Заветный ключ! Он с бранью тычет
Его в замок, когда седой
Стучится батюшка и причет —
Дом окропить святой водой.
Вы, Бюхнер, Молешотт и Штраус,
Товарищи недельных пауз
Пифагорейской тишины,
Одни затворнику верны, —
Пока безмолвия твердыня,
Веселостью осаждена,
Улыбкам женским не сдана...
Так тайна Божья и гордыня
Боролись в алчущем уме.
Отец мой был не *sieur Nomais*...¹²

Sieur Nomais (сир Омэ) — герой романа Г. Флобера «Госпожа Бовари», аптекарь, был воплощением мещанского, рационально-желудочного, рептильного атеизма, противоположного напряженному богоборчеству Ивана Тихоновича:

Но — века сын! Шестидесятых
Годов земли российской тип;
«Интеллигент», сиречь «проклятых
Вопросов» жертва — иль Эдип...
Быть может, искренней, народной
Иных — и в глубине свободней...
Он всенощной, от ранних лет,
Любил «вечерний тихий свет».
Но ненавидел суеверье
И всяческий клерикализм.
Здоровый чтит он эмпиризм:
Питай лишь мать к нему доверье,
Закон огня раскрылся б мне,
Когда б я пальцы сжег в огне¹³.

«Вечерний тихий свет», столь памятный и родной с детства, — одно из самых поэтических песнопений всенощной, сложенное еще в IV веке святым Амвросием Медиоланским: «Свете тихий святягы славы, Бессмертнаго Отца Небесного, Святого, Блаженнаго, Иисусе Христе. Пришедше на запад солнца, видевшe свет вечерний, поем Отца, и Сына, и Святого Духа Бога. Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот даяй: темже мир Тя славит». Не случайно, наверное, последний сборник стихотворений сына будет носить название «Свет Вечерний»...

Первыми поэтическими впечатлениями стали для мальчика баллады Жуковского и стихи Пушкина и Лермонтова, которые читала ему мать. Особенно запомнились Вячеславу лермонтовские «Спор» и «Воздушный корабль» — стихотворение, поразившее в детстве и другого русского поэта XX века, Марину Цветаеву. Она вспоминала, что никак не могла понять, кто же это такие «флюгеране», которые шумят на мачтах. Вячеслав в младенческие годы тоже гораздо больше чувствовал стихи, нежели понимал их:

Стихи я слышу: как лопата
Железная, отважный путь

Врезая в каменную грудь,
Из недр выносит медь и золото, —
Как моет где-то желтый Нил
Ступени каменных могил, —

Как зыбью синей океана,
Лишь звезды вспыхнут в небесах,
Корабль безлюдный из тумана
На всех несется парусах...
Слов странных наговор приятен,
А смысл тревожно непонятен;
Так жутко нежен стройный склад,
Что все я слушать был бы рад
Созвучья тайные, вникая
В их зов причудливой мечтой...¹⁴

Из тех младенческих лет Вячеслав смутно запомнил и разговоры старших о шедшей тогда Франко-прусской войне. Впервые сквозь детские грезы он ощутил живое биение истории. Ему очень хотелось увидеть эту войну ночью во сне. Мог ли он тогда знать, что в старости станет очевидцем самой страшной, невиданной прежде войны...

В пять лет Вячеслав лишился отца. Иван Тихонович болел долго и тяжело. Чахотка в то время была неизлечимой болезнью и уносила многих. Но перед смертью он всем сердцем обратился к Христу и вернулся в Церковь, с которой долгие годы враждовал. Отец поведал матери, что ему явился святой Николай Мирликийский и велел повторять за ним причастные молитвы. Наутро к Ивану Тихоновичу пришел священник с Дарами. Вот какими запомнились сыну последние минуты жизни отца, его возвращение к Богу, о котором так долго и горячо молилась мать:

Христос приходит. Ожиданья
Ей не солгали. Долгий час
За дверью слышались рыданья,
Перерывавшие рассказ
Души, отчаяньем язвимой,
Любовью позднею палимой
К Позвавшему издалика, —
И тихий плач духовника...
Был серый день; играл я дома
И, бросив нехотя игру,
Без слов был подведен к одру.

Страдальца смертная истома
Снедала; пот бежал рекой,
Он крест знаменовал рукой¹⁵.

Отец умер в марте 1871 года, а в декабре, встречая новый, 1872 год, мать, согласно семейному обычаю, гадала по Псалтири. Она велела пятилетнему Вячеславу не глядя, наугад, раскрыть книгу и пальцем указать строки. Выпал 151-й псалом: «Я был младшим в доме отца моего, мои пальцы настроили Псалтирь». «Так и буди! — с радостью сказала мать, — ...станешь поэтом». Будущая судьба и предназначение Вячеслава Иванова приоткрылись в тот день впервые. Александра Дмитриевна всегда укрепляла в нем это высокое чувство избранничества. Своей закваской поэт был обязан матери. Как писал о ней С. С. Аверинцев: «Круг ее увлечений, который может показаться на фоне событий русской пореформенной жизни чуть ли не запоздалым отблеском патриархально-прекраснодушных времен Жуковского, был первой “духовной родиной” Вячеслава Иванова. Чертам этой “духовной родины” предстояло вновь и вновь проступать в его творчестве сквозь хитросплетения символистской мысли (например, то, что он будет называть в статьях 1914–1916 гг. своим “славянофильством”, довольно мало походит на славянофильство, но зато близко напоминает умонастроение Александры Дмитриевны). Почтительную память о матери поэт сохранил навсегда, этот пиетет, столь характерный для биографического фона его творчества, подчас побуждал его превращать историю своего “младенчества” в чересчур красивую легенду»¹⁶.

Впрочем, очень часто «легенда» определяет жизнь, а не наоборот. И счастлив тот, у кого в детстве такая легенда была.

После смерти отца Вячеслав остался с матерью и старушкой няней. Без кормильца семья, и прежде небогатая, совсем обеднела. Хорошо хотя бы, что были уже пристроены старшие братья. Они учились сначала в Межевом институте, а затем оба избрали военную карьеру — стали артиллерийскими офицерами. А Вячеслава с семи лет начали обучать иностранным языкам и русской словесности. Уроки ему давала дочь хозяина дома, в котором квартировала семья. От нее мальчик услышал о Кантемире и Ломоносове, читал наизусть их стихи вместе с державинской одой «Бог», «Власом» Некрасова и отрывками из

пушкинского «Кавказского пленника». Ходил он и в частную начальную школу, созданную известным экономистом М. И. Туган-Барановским. Но главную роль в его развитии и воспитании продолжала играть мать. По ее совету Вячеслав начал каждое утро читать акафисты. Так с ранних лет в нем пробуждалось живое чувство красоты славянского языка, отозвавшееся в его стихах. Кроме того, они с матерью ежедневно прочитывали по главе из Евангелия. Как потом признавался поэт, с той поры он полюбил Христа на всю жизнь. Бесконечно много дали Вячеславу и совместные вечерние чтения. Мать умно и умело направляла его в выборе книг. В уже упомянутом «Автобиографическом письме», адресованном известному библиографу и историку литературы С. А. Венгерову, Иванов писал: «Медленно и с упоением — мне было тогда семь лет — прочитан был нами полный “Дон-Кихот”. Рано познакомила меня мать и со своим любимцем — Диккенсом.

Детскими книгами она учила меня пренебрегать: Андерсен был в ее глазах книгою не детской; Робинзон был мною усвоен, одновременно с “Дон-Кихотом”, в подлинной редакции; Жюль-Вернова поэма о капитане Немо была с восторгом мною изучена; десяти лет я увлекался “Разбойниками” Шиллера»¹⁷. Но не умалчивал поэт и о другой стороне своего детства, наложившей отпечаток на всю последующую жизнь: «Мать ревниво ограждала меня от частых сношений с детьми соседей, находя их дурно воспитанными, и приучала стыдиться детских игр. Она бессознательно прививала мне утонченную гордость и тот индивидуализм, с которым я должен был долго бороться в себе в гимназические годы, и тайные яды которого остались во мне действенными и в зрелую пору моей жизни»¹⁸.

Незабываемыми впечатлениями детства стали для Вячеслава Иванова прогулки по Москве. Ощущение поэзии и красоты города накрепко переплелось в них с религиозным чувством. Вместе с матерью тихими и ясными летними вечерами «по обету» они совершали небольшие пешие паломничества от Патриарших прудов к Иверской или в Кремль. Навсегда осталось памятным поэту замирание сердца под сводами «полутемных соборов с их таинственными гробницами», где покоились великие князья, цари, московские митрополиты и патриархи. Словно живое предание Древней Руси воочию представало перед ним, дополняемое рассказами матери.

Праздником для мальчика стало и посещение Большо-

го театра. Уже сама его обстановка — торжественный алый цвет бархатных лож, кресел, ливрей служителей, сверкающая множеством огней люстра — была пиршеством для зрения. А театральная тьма во время представления, звуки музыки, пения, декорации сцены — все словно бы переносило в иное время и пространство.

Полвека спустя в Большом театре доведется выступать и самому Вячеславу Иванову — на юбилейном торжестве к 125-летию со дня рождения Пушкина.

Свет памяти выхватил из детских лет и часы, проведенные в залах Румянцевского музея, где воображение отрока Вячеслава поразил слепок с Микеланджело «Моисея»:

В Музей я взят — и брежу годы
Всё небылицы про Музей:
Объяты мраком переходы,
И в них, как белый мавзолей,
Колосс сидящий — «Моисея»...
Воображенье в сень Музея
Рогатый лик перенесло,
С ним память плавкую слило.
В «Картинах Света» списан демон,
Кого не мертвой глыбой мнил
Ваятель, ангел Михаил.
Бог весть, сковал мне душу чем он
И чем смутил; но в ясный мир
Вселился двойственный кумир¹⁹.

Так в жизнь отрока Вячеслава впервые вошла Италия. «Родное» встретилось с «вселенским». Будущий поэт выходил на тот путь, который до него проложили любимые им Гоголь, Баратынский и Тютчев — от московского семихолмия к итальянскому. От Третьего Рима — к Первому.

К городу, что станет главным в его судьбе. Станет венцом жизни.

Но прежде ему предстояло узнать и всем сердцем полюбить Москву. У него, человека глубоко московского по своим корням и воспитанию, было удивительное чувство родного города, самой его фактуры, цветовой гаммы. Впоследствии оно отзовется в стихотворении 1904 года «Москва», не случайно посвященном также одному из самых «московских» писателей — А. М. Ремизову:

Влачась в лазури, облака
Истомой влаги тяжелеют.

Березы никлые белеют,
И низом стелется река.

И Город-мареву, далече
Дугой зеркальной обойден, —
Как солнца зарных ста знамен —
Ста жарких глав затеплил свечи.

Зеленой тенью поздний свет,
Текучим золотом играет;
А Град горит и не сгорает,
Червонный зыбля пересвет.

И башен тесною толпою
Маячит, как волшебный стан,
Меж мглой померкнувших полян
И далью тускло-голубою:

Как бы, ключарь мирских чудес,
Всей столпной крепостью заклятий
Замкнул от супротивных ратей
Он некий талисман небес²⁰.

Отсюда уже прямой путь к «московским» стихам Цветаевой...

Девяти лет от роду Вячеслава отдали в одно из лучших учебных заведений тогдашней Москвы — Первую московскую мужскую гимназию. Основана она была еще в 1803 году по распоряжению императора Александра I. Поначалу гимназия находилась в Китай-городе, на углу Варварки и Ипатьевского переулка, в бывшем доме Юстиц-коллегии, но из-за обветшалости здания уже в 1806 году встал вопрос о ее переезде. Город купил для нее на Волхонке у Пречистенских ворот усадьбу бригадира Лопухина, прежде принадлежавшую князю Волконскому. Во время наполеоновского нашествия 1812 года оба здания гимназии сгорели, и шесть лет она размещалась в доме Ланга в Среднем Кисловском переулке, 4. Наконец в 1819 году восстановление Лопухинского дома завершилось и гимназия вернулась в него. Здесь она существовала без малого сто лет, до самого своего закрытия в 1918 году. Первым ее директором был Петр Михайлович Дружинин, выдающийся педагог, человек неравнодушный, любивший своих учеников всем сердцем. Он собрал для гимназии прекрасную, богатую библиотеку

и создал кабинет естественной истории. К тому же ему удалось привлечь значительные денежные пожертвования со стороны меценатов. Так, греческий аристократ З. П. Зосима внес по просьбе Дружинина десять тысяч рублей на преподавание греческого языка. Благодаря этому с 1815 года в гимназии существовал греческий класс, что сыграло ключевую роль в судьбе Вячеслава Иванова. В двенадцать лет, на год раньше, чем полагалось по программе, он добровольно начал изучать язык Гомера, Эсхила и Платона. К тому времени от небольшой суммы денег, оставшейся после отца, не сохранилось ничего, и в четвертом классе гимназист Вячеслав Иванов вынужден был давать платные уроки древнегреческого языка своим сверстникам, чтобы помогать матери. Так началась его педагогическая деятельность. Позже он вспоминал, что «имел свободу читать и думать только ночью». Любовь к «божественной эллинской речи» Вячеслав Иванов пронес через всю свою долгую жизнь и всегда был чуток к тому, что роднило с ней русский язык. Незадолго до смерти поэт говорил, что если в Царстве Небесном ему запретят говорить и думать на древнегреческом, он будет очень огорчен.

Кроме греческого в гимназии преподавали латынь, французский и немецкий языки, русский с церковнославянским, словесность, Закон Божий, историю, географию, естествознание, физику, математику, астрономию, каллиграфию, рисование и черчение. Среди тех, кто в разное время учился в Первой московской мужской гимназии, были драматург Александр Островский, профессор математики Николай Бугаев, отец поэта Андрея Белого, будущего друга Вячеслава Иванова, историки Михаил Погодин и Сергей Соловьев, теоретик анархизма князь Петр Кропоткин, лидер кадетской партии профессор Павел Милюков, большевистский партийный деятель Николай Бухарин, писатель Илья Эренбург, поэт Максимилиан Волошин и другие известные люди.

Как вспоминал Вячеслав Иванов о решении матери отдать его именно в это учебное заведение, «выбор гимназии был также обусловлен соображениями эстетическими: она помещалась в красивом старом здании подле тогда еще не открытого храма Христа Спасителя»²¹.

Поступление Вячеслава в гимназию в 1875 году совпало с торжественным посещением ее Александром II. Воспитанный Александрой Дмитриевной в культе царя-реформатора, поэт позже рассказывал, как он замер от восторга,

когда на залитой солнцем стене гимназического коридора увидел тень от сабли государя и услышал его слова: «Здравствуйте, дети».

История не раз проходила тогда перед его глазами. Два года спустя, когда шла Русско-турецкая война за освобождение Болгарии и Русские войска уже готовились взять Константинополь, Александра Дмитриевна и Вячеслав были охвачены пафосом всемирного славянства. Поэт вспоминал об этом времени: «Оба мои брата, артиллерийские офицеры, были на войне, и один из них, ординарец при самом Скобелеве, приезжал на короткое время, по военному поручению, в Москву. Я посылал братьям в окопы письма, полные воинственно-патриотических стихов, которые признал через год детским лепетом»²².

Посчастливилось Вячеславу вместе с другими учениками Первой московской гимназии присутствовать и на открытии на Тверском бульваре в 1880 году опекушинского памятника Пушкину, видеть, как спадает покрывало с закутанной статуи, а затем попасть на посвященное этому великому событию торжественное заседание Общества любителей российской словесности в Московском университете, слышать выступления Тургенева, Островского, но главное — прожигающую насквозь пушкинскую речь Достоевского: «О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону! <...> По крайней мере мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные»²³.

Мы можем только догадываться, как жадно ловил четырнадцатилетний гимназист Ив́анов каждое слово одного из прямых наследников Пушкина в русской и мировой литературе. Но мог ли он знать тогда, слушая гения, что и ему предстоит принять эту эстафету всемирности и всечеловечности и осуществить их и пером, и самой своей жизнью?

В четырнадцать лет пережил Вячеслав и необычайно сильный религиозный подъем: ночью он часами простаивал перед иконами, горячо молясь, и порой даже засыпал на коленях. Александра Дмитриевна, с ее простой, крепкой и здоровой верой, не одобряла этих крайностей в духовной жизни сына, но и не препятствовала им, мудро давая Вячеславу возможность развиваться свободно и самому выстраивать свой путь к Богу.

Подъем очень скоро сменился кризисом. В пятом классе гимназии в умонастроении юноши произошел переворот. Он вдруг ощутил себя совершенным атеистом и революционером. По ночам Вячеслав теперь уже не молился, а запоем читал и герценовский «Колокол», и новейшие революционные издания. Эта перемена в его мировоззрении случилась незадолго до одной из самых страшных катастроф русской истории. 1 марта 1881 года террористами-народовольцами был убит Александр II. В отношении к этому событию и к смертному приговору, вынесенному заговорщикам, русское общество резко разделилось. Порой разлом проходил внутри одной семьи. Сочувствуя революционерам и считая казненных цареубийц мучениками свободы, Вячеслав с жаром защищал их в юношеских спорах, кипевших между гимназистами. Александра Дмитриевна была убита горем, которое еще больше усиливалось от разногласий с сыном, не скрывавшим от нее своих взглядов. Понять и принять новые воззрения Вячеслава мать не могла. Она не поступила подобно святой Моники, выгнавшей из дома Августина, когда тот впал в манихейскую ересь, но прежняя их дружба с сыном дала глубокую трещину.

А Вячеслав тогда еще не знал, что в то же самое время, когда он отстаивал доброе имя цареубийц в Москве, в Петербурге их жизнь защищал молодой профессор философии Владимир Соловьев. Он взывал к христианскому милосердию нового императора, призывая его простить убийц отца и не уподобляться революционерам в их презрении к человеческой жизни. Соловьев выступал против смертной казни даже для террористов. Скорее всего, гимназист пятого класса Первой московской гимназии Вячеслав Иванов даже не слышал имени Владимира Соловьева. До их встречи оставалось пятнадцать лет...

К концу гимназического курса вопрос об оправдании террора как средства социального переустройства, не дававший Вячеславу покоя несколько лет, решился для него

окончательно. Выработалось устойчивое нравственное неприятие революционного насилия. Атеизм также не прошел для юноши даром — он привел его к глубочайшему унынию. Результатом стала попытка самоубийства в семнадцать лет, к счастью, неудавшаяся.

Но при этом — вот ведь парадокс! — в те же самые годы неверия и революционных увлечений Вячеслав Иванов сочиняет две поэмы, в центре которых — Христос. Одна из них называлась «Иисус» и была посвящена искушению Спасителя в пустыне. Другая — «Легенда» — выдержана в духе средневекового предания и написана размером старинного испанского романса. Она рассказывает о еврейском мальчике-музыканте из Толедо, который однажды вошел в готический собор и там ему явился Христос. Встретив взгляд Спасителя, полный любви, мальчик всем сердцем почувствовал необоримое стремление к Нему:

Зашумели крылья духов,
Поднялася Божья сила,
И рука Господня мощно
На плече моем почил.
О, куда меня влечешь Ты?
О, зачем Ты, полн укора,
Полн любви передо мною,
Свет таинственного взора?²⁴

Три ночи подряд мальчик тайком пробирался в собор и играл там на органе, радостно чувствуя рядом присутствие Христа. Отец выследил мальчика и понял, что тот хочет уйти от веры предков в христианство. В отчаянии он решает принести любимого сына в жертву Богу Авраама, Исаака и Иакова. Но по молитве мальчика Христос с любовью уводит его душу в Свое Царство. Выйдя из собора, отец видит, что держит на руках бездыханное тело сына.

Вячеславу Иванову даже предложили напечатать эту поэму в «Русском вестнике» М. Н. Каткова, журнале, где увидели свет «Преступление и наказание», «Бесы» и «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Критика Отвлеченных Начал» Вл. С. Соловьева и многие другие выдающиеся произведения литературы и философии XIX века, но он отказался, сочтя публикацию в столь реакционном издании предосудительной.

Обращение юного Вячеслава Иванова к таким сюжетам не было случайным. Ведь в последние десятилетия XIX века

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru